

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

**Читайте остросюжетные драмы
Аллы Холод в серии
«Психология преступления»:**

Рыцарь страха и упрека

Девочка из провинции

Человек без дождя

Персональный демон

Женщина перемен

Чужая гостья

Разбитое стекло

Разоренное гнездо

АЛЛА
ХОЛОД

РАЗОРЕННОЕ
ГНЕЗДО

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х73

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Сазонова*

Холод, Алла.

Х73 Разоренное гнездо : [роман] / Алла Холод. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Психология преступления. Детективы Аллы Холод).

ISBN 978-5-04-164811-4

Евгений — преуспевающий бизнесмен, владелец сети популярных ресторанов, а также глава большой дружной семьи, все члены которой живут под одной крышей, в уютном особнячке в центре города. Он верный муж, любящий отец, заботливый сын и брат. Совершенно непонятно, кому из родственников, беззаботно живущих под его крылышком в семейном гнезде, вдруг захотелось убить своего благодетеля! Поняв, что на его жизнь покушается кто-то свой, Евгений пытается разобраться в происходящем самостоятельно, без помощи полиции, и это только усугубляет ситуацию. В одиночку ему не распутать тугой клубок и не спасти свою жизнь...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Холод А., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2022

ISBN 978-5-04-164811-4

Двадцатидвухградусное тепло неожиданно снизошло на город во второй декаде апреля. И было понятно, что это пока не весна, ей еще нечего делать в наших не слишком приветливых широтах в такое время, а всего лишь заплутавший южный антициклон, который случайно ошибся адресом. И внезапно набухшими почками, и легкими, высокими, шустрыми облачками весна лишь дразнит, кокетничает, демонстрирует, какой любезной она будет, когда придет время. Зима была промозглой, она безумно утомила всех бесконечными температурными качелями, редкими, но парализующими движение снегопадами, которые после очередного скачка температуры делали город одним сплошным грязным и мокрым пятном. Март оказался не лучше — он измотал какими-то особенно буйными ветрами, и сейчас, когда выглянуло яркое, не по-апрельски ласковое солнце, все радовались, в том числе и я.

Я никак не мог заставить себя пойти домой. Я думал провести вечер наедине со своими невеселыми мыслями, но в итоге с удовольствием и большим аппетитом поужинал, присоединившись к супружеской паре, своим давним знако-

мым, которые приняли мою компанию как приятную неожиданность. Они были завсегдатаями самого любимого из моих ресторанов, и мы прекрасно провели время «за счет заведения», на чем мне удалось настоять на правах хозяина. Мы не спеша выпили по большому стакану ледяного пива с подкопченным палтусом, не пренебрегли жульеном из белых грибов, после чего каждый выбрал то, что хотел. Дама предпочла котлеты из щуки с овощным гарниром, мужчины, то есть мы с ее мужем, — томленные телячьи щечки с гречневой кашей. За время кризиса, в течение которого ресторан понес неизбежные кадровые потери, готовить хуже не стали. Все, как и прежде, было на высоте: приборы начищены до блеска, водка отменно холодная, дама с легкостью нашла в меню именно то вино, которое предпочитала всем остальным. Фикусы в кадках авторской работы поражали своей свежестью и ухоженностью, баритон, исполнявший у нас старинные романсы три раза в неделю, как всегда, сорвал свою порцию бурных аплодисментов. Поскольку с этими своими знакомыми я виделся нечасто, не пришлось поддерживать разговор на общие темы, поскольку их было не так много. Мы посетовали на невозможность выбраться на любимые курорты, негативно высказались о решении мэрии организовать выделенные полосы для общественного транспорта на самых крупных магистралях, плавно перешли на гастрономические пристрастия друг друга, вскользь коснулись общих знакомых. Никакой конкретики, ничего такого, что в последнее время могло ис-

портить настроение. После кофе с ликером мои гости ушли, расслабленные и весьма довольные. Ресторан скоро закрывался, работать до последнего клиента нам теперь не разрешали. Я ушел к себе в кабинет, включил настольную лампу, погулял по сайтам и соцсетям в поисках новостей и внезапно почувствовал навалившуюся непонятно отчего усталость — даже не утомление, поскольку тот день не был для меня таким уж перегруженным, а скорее оцепенение. Чем ближе становился момент моего возвращения домой, тем более гнетущим делалось мое состояние. Я мысленно поблагодарил свою жену Риту за то, что она не явилась сюда меня искать, как это иногда случалось, и даже ни разу не позвонила мне и не написала в мессенджер что-нибудь обиженное.

Я открыл окно, чтобы впустить неожиданно теплый для апреля воздух. Из моего кабинета видна пешеходная часть улицы, прохожих в этот час почти не было, только какой-то одинокий собачник выгуливал резвого подростка-ретривера. Из клуба, расположенного неподалеку, вывалилась шумная компания пьяненькой молодежи и двинулась в сторону центра. Что они выкрикивали, я не слышал. А откуда-то с близкого расстояния донеслись звуки музыки, которую я никак не мог вспомнить. Пока я пытался понять, что это за мелодия, в одну секунду воцарилась крошечная тьма. Я мгновенно ослеп и от неожиданности даже не сразу сообразил, что произошло. Отключения электроэнергии в нашем районе не такая уж редкость, но каждый раз, если это проис-

ходит в темное время суток, погружение во мрак вызывает у меня неприятное ощущение. Потом я пытался вспомнить, в какой последовательности произошли события: сначала я услышал пронзительный звук или все-таки раньше дом погрузился во тьму. Ничего у меня не получалось. Сколько бы я ни пытался воссоздать последовательность событий, каждый раз мне казалось, что это произошло одновременно.

Когда в песнях про войну и остросюжетных фильмах мне встречался такой поэтический образ, как «свист пуль», меня ничто не коробило. Да и как может человек не согласиться с тем сравнением, мнение о котором никогда в жизни лично составить не мог? Я, как и большинство мирных людей, никогда не слышал звука пули, пролетающей в непосредственной близости. Свист ли это? Или какое-то адское жужжание? Или оглушительный звон, который на мгновение лишает слуха и способности соображать? Впрочем, меня этот звук не лишил самого главного — инстинкта самосохранения, ибо в ту же секунду, когда прозвучало нечто из чуждого мне, совершенно не моего мира, я отпрянул от окна и вжался в стену. И вовремя: потому что звук повторился во второй раз буквально через две секунды. А вслед за ним — яркий, веселый звон разбитого за моей спиной вдребезги зеркала. Потом я понял, что меня спасло: во-первых, свет погас именно в то мгновение, когда стрелок уже прицелился и был готов нажать на курок, и его мозг просто не успел дать команду на отмену ранее выданного приказа. Во-вторых, я не испугался, меня не парализовало от ужаса, по-

тому что я просто не понял в ту минуту, что это свистит, жужжит или звенит справа от моего уха. Я не знал звука летящей пули, потому испугался только через несколько секунд. Слышал ли мой несостоявшийся убийца звук разбитого зеркала, понял ли, что я остался жив? Эти вопросы зародились в моей голове не в то же мгновение, а лишь спустя какое-то время: через минуту, может, две или даже пять. Я услышал звуки открываемой двери, топот и шум голосов. Ресторан еще не закрылся, смена только-только закончилась, заведение приводили в порядок.

— Евгений Петрович, с вами все в порядке, где вы? Ой!

Грохот опрокинутого стула вывел меня из шокового состояния.

— Осторожно, сюда не заходите, — сказал я и стал нащупывать путь к выходу из кабинета. В этот момент один из официантов направил на лобный фонарь в мою сторону, и я легко нашел дорогу в коридор, ведущий в один из обеденных залов.

Во мрак погрузились все соседние дома, достаточно было выглянуть в окно, чтобы понять: в районе приключилась очередная авария, ибо тьма наступила кромешная. В таких случаях подачу электроэнергии восстанавливают часа через два, не раньше. В ресторане оставались только двое ребят, Эдик и Руслан, которые готовились закрывать заведение, с помощью фонаря мы кое-как осмотрели разбитое зеркало, после чего они поплелись за мной в мой кабинет, зажгли свечи, рассчитанные на то, чтобы украшать романтиче-

скую трапезу, и замерли в ожидании распоряжений. Наконец один не удержался:

— Евгений Петрович, надо вызывать полицию. Ведь стреляли... Может, это покушение...

Я не дал ему развить свою мысль.

— Ну и как ты себе это представляешь? Нигде нет света. Пока включат электроэнергию, пройдет еще какое-то время, может, два часа, если не больше. Потом только начнут разбираться. Мы тут застрянем на всю ночь, а у меня совершенно нет сил.

— Но ведь это не шутки, огнестрел, скорее всего, — возразил Руслан, — а вдруг вас снова попытаются убить?

— Да может, это и не меня хотели убить, с чего ты взял? — упорствовал я. — Там из «Бешеной собаки» компания пьяная только что вывалилась, может, они между собой что-то не поделили, мало ли кто гулял, какие только отморозки сейчас по ночам не шляются. Кто мог хотеть меня убить? Кому я нужен? А вот если мы вызовем полицию, то плохая реклама на всех информационных порталах нашему заведению назавтра обеспечена в полном объеме. У нас и так полная задница, вы хотите совсем закрыться, да? Никакой локдаун не понадобится, уж можете поверить, какой идиот пойдет туда, где постреливают?

Я замолчал, мои мальчики тоже подавленно молчали, воспоминание о вынужденном простом и связанном с ним тяжелом периоде было не самым приятным.

— Мы только-только начали выкарабкиваться, — удрученно заметил я, — впрочем, вы взрос-

лые, законопослушные граждане. Я не имею права на вас давить, и препятствовать вашему обращению в полицию я тоже не смогу. Но вы должны быть готовы к тому, что мы опять закроемся, и на этот раз неизвестно, сможет ли нас спасти хоть что-то...

Мальчики пошептались между собой.

— Мы все поняли, Евгений Петрович, вы, конечно, правы. Но как же вы? Получается, что вы в опасности? А вдруг они повторяют, когда поймут, что вы живы?

— Профессионал не промахнулся бы, — усмехнулся я, — и отключение света ему бы не помешало, а в любом другом случае я разберусь сам. Не ребенок. Так что давайте, ребятки, снимем это злополучное зеркало и положим его в кладовку, но не в какую-то из общих, а в стенной шкаф в моем кабинете. И пусть клининг завтра у меня не работает, надо уборщице сказать, что я закрою кабинет и пусть она сюда не суется до моего появления. Сможете предупредить?

— Конечно, не проблема.

— Язык держать за зубами. Это вопрос нашей выживаемости. Между прочим, в ваших же интересах.

После этого я взял у ребят фонарик, чтобы воспользоваться туалетом, а когда возвращал его, отметил про себя, что мои мальчики все-таки здорово перетрухнули: достали из холодильника бутылку водки и тарелку с какой-то закуской. Я попрощался с ними и вышел на совершенно темную улицу. В голове крутилась мысль: оставил стрелок свой пост или продолжает наблюдать за

зданием? Придя к выводу, что может быть и так и этак, я все-таки двинулся в сторону своего дома. Мне предстояло преодолеть всего два квартала, обычно даже в ночи весело и нарядно подсвеченных витринами небольших дорогих магазинов (все-таки самый центр города!) и уютно мерцающими окнами домов. Сейчас улица выглядела так зловеще, словно ее тщательно подготовили к съемкам фильма в стиле нуар. Город казался вымершим, но я почти не обращал внимания на мрачный антураж, ноги сами несли меня. Я уже с трудом верил, что еще какой-то час назад я усиленно продлевал застолье и искал любой предлог, лишь бы только оттянуть момент возвращения домой.

Хилая версия о разборках в пьяной компашке, выходявшей из «Бешеной собаки», была выдана мною официантам спонтанно, я вовсе не думал, что выстрелы прозвучали именно с той стороны: когда за моей спиной со звоном разбилось зеркало, подогретый в клубе молодняк отошел уже далеко. Переходя на более резвый аллюр, я не пытался бежать от смертельной опасности, хотя, конечно, боялся насильственной смерти, как всякий нормальный человек. И я не геройствовал — это качество мне не присуще вовсе. Мне нужно было срочно заглянуть в одно укромное местечко. Туда, где я прятал пистолет.

Ствол появился в моем доме неожиданно и против моего желания. Я, в отличие от многих мужчин, никогда не испытывал пиетета к оружию, не уважал его силу. Я не мог взять в руки

даже охотничье ружье. Можете считать меня лицемером, но я не в состоянии убить ни животное, ни птицу, хотя если бы я не любил мяса и не понимал толка в его приготовлении и подаче, в ресторанном бизнесе не прожил бы и дня. Я даже рыбу ловил только раз в жизни, уступив настойчивому желанию друзей. Та рыбалка закончилась тем, что, к удивлению всей компании, я довольно быстро поймал крупного караса и тут же его отпустил: мне хватило одного взгляда на то, как рыбка хватается воздух, как мутятся ее глаза, которые, казалось, были устремлены прямо на меня... Того единичного рыбацкого опыта мне хватило на всю жизнь, больше я даже не пытался. Когда-то в молодости на Черноморском побережье я ловил креветку сачком, это было. Но глазки у креветки — это крошечные черные бусинки, и я не чувствовал, что имею дело с разумным существом, не ощущал никакой связи с ним. Одним словом, я с удовольствием ел рыбу и мясо, отдавал должное всякого рода дичи, наслаждался раками, осознавая, что их варят живьем, но предпочитал оставаться в стороне от процедур, связанных с убийством любого живого существа. Вот мой младший братишка Виталик в своей разгульной молодости очень уважал и рыбалку, и охоту, куда его приглашали какие-то из его многочисленных приятелей, и даже привозил домой дикого зайца, которого мама запекала с чесноком. Заяц был вкусный, но таил в себе массу опасностей в виде дробинки, застрявших в мясе.

Пистолет, строго говоря, был не мой, его несколько лет назад подсунул мне тот же Виталик,

пообещав, что очень скоро расскажет мне о том, откуда он и зачем его обязательно и срочно — но, главное, честное слово, совсем ненадолго! — нужно спрятать. Виталик в тот момент, когда он притащил в мою квартиру оружие, был не вполне трезв, говорил нечленораздельно, явно паниковал по неизвестному мне поводу, мельгешил и вообще вел себя не совсем адекватно. Хотя мне этого и очень не хотелось, я обещал взять оружие, но только на пару дней, после чего братишка должен был его забрать обратно и объяснить мне, что это за ствол и откуда он взялся. Но дальнейшую участь пистолета решила моя жена Рита, причем в совершенно неожиданном для меня ракурсе. Она заявила, что в доме, где есть деньги, должно быть и оружие. Вначале я был шокирован: я всего лишь хотел оградить от неприятностей своего импульсивного, не всегда предсказуемого, но от того не менее любимого брата, для меня самого любое соприкосновение с криминалом (а хранение непонятно какого ствола иначе не назовешь) не просто нежелательно — недопустимо. Но у моей жены имелись другие резоны. Когда-то в юности, когда она еще жила с родителями в частном доме, на их семью было совершено разбойное нападение. Трое представителей самой что ни на есть отморозенной шпаны ночью выставляли стекла в окне первого этажа и ворвались в дом. Все могло закончиться настоящей трагедией, если бы сосед — давний партнер Ритино папы по шахматам и неспешному распитию вечерней бутылочки — не услышал шума и не выскочил во двор, отчаянно паля из охотничьего ру-

жья. С тех пор у Риты развилась настоящая фобия, и со временем, когда я уже заработал достаточно денег на то, чтобы выбрать себе хорошее жилье, она категорически отказалась от постройки частного дома. «Я не смогу в нем спать ни одной ночи, через месяц жизни в таких условиях я стану законченной психопаткой», — сказала она, и мы раз и навсегда закрыли тему постройки небольшого особнячка, о котором я страстно мечтал. Была у Риты и еще одна фобия: она не выносила лифтов. Корни этого страха тоже уходили в ее прошлое. Она рассказывала, что отдыхала с подругой в санатории курорта Партенит в Крыму. Они с приятельницей выбрали этот санаторий из соображений экономии, но заведение оказалось куда более запущенным, чем могли предположить подруги. Постоянное отсутствие воды в кранах, неработающие кондиционеры — это еще полбеды, а вот когда девочки застряли в лифте, в котором, кроме них, находилось еще человек десять, вот тогда мою нежную и впечатлительную Риточку охватила жестокая паника. Дети принялись кричать, женщины визжать, мужчины пытались раскрыть двери лифта вручную. Подать сигнал персоналу санатория оказалось невозможно — работники учреждения свято чтит часы системы и в послеобеденное время дозваться кого-то не представлялось возможным. Когда людей выпустили из лифта, одни были уже на грани, а другие в самом разгаре истерики. Воспоминание об этом досадном инциденте преследовало мою весьма впечатлительную супругу на протяжении многих лет. Пока мы еще по молодости находи-